

УДК 159.955.2

О.И. Уланович

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Предлагаемый материал является результатом обобщения, анализа и систематизации теоретических и эмпирических данных по исследованию языка и интеллекта, проблемы вербальной организации человека. В работе представлена концептуальная модель структуры языкового сознания в виде вербально-смыслового конструкта, структурируемого блоком декларативного вербального знания и процедурным блоком (речевых механизмов).

Ключевые слова: вербально-смысловой конструкт сознания, смысловая единица, декларативное вербальное знание, речевой механизм.

Целостное познание человека выступает одной из фундаментальных тенденций современной антропологической науки. Гуманитарная парадигма в научном исследовании делает человека мерой всего сущего, будь то познание природы и общества в целом либо изучение более узкой проблематики, такой как человеческий язык, вербальная коммуникация, речевой интеллект. Комплексное изучение человека немыслимо без рассмотрения вопросов языка и речи как ключевого звена, опосредствующего психическое и социальное развитие личности. При этом акцентируется важность человеческого измерения языка: его исследование как психического феномена, а не как надындивидной и объективной системы знаков, правил и норм их функционирования. Именно выявление специфики индивидуального репрезентирования и функционирования языкового знания в сознании языковой личности выступает ключом к объяснению успешности / неуспешности вербальной коммуникации, а при взаимодействии в сознании нескольких языковых систем – межкультурной коммуникации. Вербальная организация человека в условиях билингвизма представляет особый интерес.

Как отмечает В.П. Белянин, знаки языка фиксируют национальные особенности мышления и поведения, тем самым влияя на понимание мира [1. С. 68]. В истории этнопсихологии данная идея в более категоричной форме отразилась в известной «гипотезе лингвистической относительности» Э. Сепира – Б. Уорфа, утверждающей, что «мы воспринимаем те или иные явления так или иначе благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Э. Сепир). Л. Витгенштейн следующим образом афористически комментировал идею зависимости «индивидуальной психики от надындивидуальных творений народа (языка)» (А.А. Потебня): «Границы моего языка означают границы моего мира».

Несмотря на критику этой гипотезы в ее крайнем варианте и за рубежом и в отечественной науке, интерес к теории то затухает, то возрождается с новой силой. Можно поставить под сомнение саму первичность авторства идеи. Русско-украинский филолог А.А. Потебня еще в конце XIX в. писал, что «акт сознания субъекта выступает в качестве производного от языковой структуры, которая объективна и не зависит от индивидуальных свойств личности и понимание которой обусловлено принадлежностью к одному и

тому же народу» [2. С. 142], тогда как «сепиловская» лингвистическая относительность и детерминизм датируются серединой XX в. Если смотреть еще глубже, то предположение о том, что различные языки по-разному влияют на мышление, выдвигалось еще при зарождении философии. Общим принципиальным моментом подобных теорий является (а) поиск универсальной формулы соотношения языковых фактов с явлениями психическими и психологическими (фактами восприятия, памяти, мышления, социального поведения, с общим видением мира, типичным для данного культурного сообщества) и (б) выявление каузальной природы существующих между ними связей.

Возможным представляется несколько иное объяснение социокультурной обусловленности языкового сознания и национально-культурного аспекта вербального поведения человека. Поиск ответа на поставленный вопрос интересен, в частности, через анализ особенностей содержания вербально-смыслового конструкта сознания личности, формируемого в контексте реальной «жизни знаков в рамках жизни общества» (Ф. де Соссюр).

Несомненно, что языковые знания по-разному репрезентируются в сознании каждого человека через формирование так называемого «субъективного психологического наполнения» языкового знака. Как образно отметил В. фон Гумбольдт: «Человеческая душа есть колыбель, родина и жилище языка». Л.С. Выготский утверждал что, слова естественного языка имеют общепринятые значения, тогда как в сознании за словами скрываются индивидуальные смыслы [3. С. 37]. При этом движения семантической и физической сторон слова в овладении языковыми структурами не совпадают в развитии: вначале усваивается физическая сторона знака, тогда как формирование адекватной когнитивно-языковой репрезентации знака в сознании и его семантико-смысловое наполнение – процесс длительный и трудоемкий. Слово – сосуд, который дан нам готовым, но наполняем мы его содержанием самостоятельно, поэтому психологическое содержание одних и тех же знаков у всех нас несколько отличное. Именно это имел в виду Л.С. Выготский, указывая на индивидуальные смыслы, скрывающиеся в сознании за словами. Можно полагать, что усвоение не только слов языка, но и других языковых единиц: фраз, грамматических форм и структур, синтаксических моделей – также сопровождается формированием их «индивидуального психологического наполнения» в сознании носителя языка, своего рода «внутреннего видения».

Данную идею подтверждают экспериментальные исследования речевого онтогенеза Ж. Пиаже. Так, ученый в свое время установил, что ребенок раньше овладевает сложной структурой придаточного предложения (с союзами типа «потому что», «несмотря на», «так как», «хотя» и др.), чем смысловыми сущностями, соответствующими этим синтаксическим формам. Ж. Пиаже обнаружил, что языковая грамматика в развитии ребенка идет впереди его логики. Ребенок, который совершенно правильно и адекватно употребляет союзы, выражающие причинно-следственные, временные и другие зависимости в своей спонтанной речи и в соответствующей ситуации, еще не осознает смысловой стороны этих союзов и не умеет произвольно пользоваться ею. А задолго до опытов Ж. Пиаже А.А. Потебня отметил, что врожденных категорий времени, пространства, причины и др. люди не име-

ют: «...они [эти категории] рождаются со способностью чувственного восприятия, но оформляются при овладении словом» [2. С. 143].

Это значит, что в речевом развитии человека (будь то усвоение родного языка ребенком или иностранного – и ребенком и взрослым) вначале имеет место усвоение физической стороны знака, однако за ним в сознании первоначально нет соответствующего психологического наполнения, последнее формируется не симультанно с овладением знаком, а постепенно в процессе накопления речевого опыта функционирования этого знака. Содержание психологического наполнения языкового знака определяется контекстом, в котором имело и имеет место его усвоение и функционирование: эмоциональным, образным, семантическим, культурно-историческим.

Как отмечал Л.С. Выготский, действительный смысл каждого слова определяется в конечном счете всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом [3. С. 38]. Знак (слово, языковая структура) «впитывает» в себя из всего контекста, в который он вплетен, интеллектуальные и аффективные отношения и начинает значить больше и одновременно меньше, чем заключено в его общепринятой семантике. Больше – потому, что его референтная область может значительно расшириться, меньше – потому, что абстрактное значение знака ограничивается и сужается до некоторого конкретного контекста. По мнению А.А. Потебни, «слово может быть орудием, с одной стороны, разложения, с другой – сгущения мысли единственно потому, что оно есть представление, то есть не образ, а образ образа» [2. С. 59], вдвойне субъективное явление.

Думается, когда говорят о национально-культурной специфике средств коммуникации, речь идет не о зафиксированных в самих коммуникативных единицах национальных особенностях мышления или поведения, а о специфике психологического наполнения в сознании носителей языка, формируемого за коммуникативными знаками. Сам языковой знак вне культурно-исторического контекста жизни имеет лишь значение и является семантически значимым, но коммуникативно (психологически) нейтральным. О взаимобусловленности языка и «склада народного ума» упоминал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, рассматривая вербальное мышление как содержание «языковой сокровищницы души», формируемое преобразованием всех сторон жизни в «психические эквиваленты, в представления, ассоциирующиеся с языковыми представлениями» [4. Т. 1. С. 312].

Знаки в единстве с формируемым за ними в сознании человека психологическим наполнением выступают базовыми смысловыми структурами языкового сознания индивида, образующими в комплексе вербально-смысловой конструкт. В одном культурно-языковом обществе в силу единства социально-культурной ситуации жизнедеятельности языковых личностей базовые смысловые структуры (по своему содержанию) могут быть в значительной степени схожими у всех носителей языка (но не тождественными). Таким образом, не язык определяет сознание (идея изоморфизма языка и сознания в корне ошибочна) и не сознание индивида определяет язык (язык – надиндивидуальная, объективная система знаков, правил, норм). Психологическое содержание и особенности функционирования в речевой коммуникации структур языка выступают отражением в сознании человека санкционированных в

том или ином культурно-историческом обществе способов поведения, общения, деятельности через призму индивидуального участия в этом члена группы.

Содержание вербально-смыслового конструкта сознания можно рассмотреть через теорию смысловых единиц, основанную на в тезисной форме высказанной идее Н.Т. Ерчака о трёхкомпонентной (образной, знаковой и эмоциональной) модели сознания [5. С. 234].

Базовый элемент языкового сознания – смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз), существуют ментальные знаки – репрезентации знаков естественного языка в индивидуальном сознании. При этом естественный знак обладает значением, стабильным, устойчивым, понятным всем носителям этого языка, соответствующий же ментальный знак обладает индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу и связанным с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией. Этот индивидуальный смысл определяется связью ментального знака с определенным образом и определенными эмоциями в сознании отдельного человека в рамках одной смысловой единицы. При этом образ представляет собой ментальную репрезентацию фрагмента действительности, своего рода контекста, в котором функционирует знак. Человек познает окружающий мир через призму своих эмоций, которые фиксируются в сознании симультанно при формировании смысловой единицы, в комплексе с ментальным знаком и образом. С.Л. Рубинштейн, говоря о единстве мышления и эмоций, в свое время заметил, что «...мышление как реальный психический процесс уже само является единством интеллектуального и эмоционального, а эмоция – единством эмоционального и интеллектуального» [6. С. 96–97]. Весьма интересно образное сравнение Б.И. Додоновым эмоций и мышления современного человека с двумя ответвлениями одного дерева, которые «имеют одни истоки и тесно переплетаются друг с другом в своем функционировании на высших уровнях» [7. С. 273].

Смысловые единицы во многом схожи у всех людей, поскольку определяют понятийное мышление в целом. Вместе с тем знаковый, образный и эмоциональный компоненты пропорционально и качественно выражены у разных людей по-разному: яркость и качество образов, а также оттенки эмоций у людей различны. Вербально-смысловой конструкт сознания представляется матрицей базовых смысловых единиц, которая формирует некоторое оценочное поле, определяющее мышление человека, его отношение, общение, поступки.

Ошибочным было бы полагать, что в условиях билингвизма и полилингвизма усвоение второго, третьего и т.д. языка осуществляется за счет органичной интеграции новых языковых знаков в уже сформированный в сознании личности на основе родного языка вербально-смысловой конструкт через сопоставление значений слов, форм, структур. Овладение иностранным языком предполагает формирование отдельной системы смысловых единиц через ментальное репрезентирование иноязычных знаков и их интеграцию с соответствующими контексту усвоения эмоциями и образами, составляю-

щими их психологическое наполнение. Классическим является пример о нулевой эмоциональной реакции испытуемых при восприятии слова «мама», произнесенного на иностранном языке (которым испытуемые владели), в отличие от неконтролируемого эмоционального реагирования на эквивалент на родном языке. Психологическое наполнение семантически эквивалентных слов разных языков в сознании одного говорящего не тождественно, соответствующие смысловые единицы отличаются пропорциональностью и содержанием знакового, образного и эмоционального компонентов. Именно этим и объясняется всегда присутствующая сферальность использования языков билингвами и полилингвами. Как тут отчасти не согласиться с образным сравнением С. Чейза: «Говорящие на разных языках по-разному видят и оценивают космос» [8. С. 9].

Интересной представляется возможность соотнесения идеи вербально-смыслового конструкта сознания с теорией социальных представлений. В классическом определении, сформулированном С. Московичи, под социальными представлениями понимается сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации [9. С. 4]. Причем в концепции С. Московичи социальные представления есть динамические образования группового конструирования социального объекта. По мнению А.Н. Леонтьева, у социального представления страстная природа за счет когнитивной трансформации и оценки окружающего мира. Через социальные представления человек не просто фиксирует набор различных феноменов, но конструирует внутреннюю модель мира через определение значимости и ценности познаваемых явлений.

В идее вербально-смыслового конструкта сознания учитываются системообразующая роль и участие знака (единиц языка) в построении и функционировании социальных представлений. Социальные репрезентации реальности не только распространяются, изменяются или опровергаются через речевое общение (в непосредственной форме), но и формируются через преобразование сторон жизни в «психические эквиваленты, ассоциирующиеся с языковыми представлениями» [4. Т. 1. С. 312]. И.А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя языковое мышление в соотношении с содержанием жизни общества, отмечал, что «...из языкового мышления можно вывести целое своеобразное языковое знание, знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного)» [4. Т. 1. С. 312].

Рассмотрение структуры языкового сознания через вербально-смысловой конструкт позволяет объяснить целый ряд вопросов социального потенциала личности: от усвоения и владения языком до конструирования образа мира в сознании и специфики социокультурного бытия.

Дальнейший и более глубокий анализ содержания и структуры языкового сознания в условиях билингвизма представляется особенно интересным в контексте теории Дж. Андерсена, выделяющего два блока долговременной памяти: декларативную память (факты) и процедурную (программы действий) [10. С. 13]. Развивая концепцию американского психолога, языковое сознание, в свою очередь, представляется структурируемым аналогичными блоками: декларативным вербальным знанием и процедурным блоком рече-

вых механизмов. Декларативное вербальное знание репрезентируется в виде выше рассмотренного вербально-смыслового конструкта, элементы которого представлены смысловыми единицами, переплетенными в сеть. Процедурный блок включает программы действий по использованию декларативного знания для продуцирования и восприятия речи – механизмы речевосприятия и речепорождения. Так, механизм восприятия речи можно определить как скрытый психический процесс, сложную умственную деятельность, представленную системой взаимодействующих ментальных действий по освоению информации в речевом произведении. Это своего рода программы операциональных процедур, обеспечивающих «перевод» воспринимаемого сообщения с языка естественного на индивидуальный язык смысловых единиц.

Анализ психологической литературы, практика преподавания иностранного языка, а также результаты эмпирических исследований позволяют выделить следующие наиболее очевидные интеллектуальные процедуры – составляющие механизма восприятия речи: (а) идентификация звуков (букв), звуко-(букво-) сочетаний, (в) установление значений, выяснение смыслов через активацию соответствующих ментальных структур (смысловых единиц), (д) интеграция единиц на всех уровнях текста (фонетическом, лексическом, синтаксическом, макроуровне (текстовом)), (е) семантическое и смысловое моделирование, (з) программирование развития текста. Все эти вербально-когнитивные действия носят прогностический характер и реализуются по следующей схеме выполнения операций: формирование гипотезы – контроль – принятие решения. Интеграционные процедуры на макроуровне текста предполагают установление пространственно-временных, причинно-следственных и других связей и отношений, отображенных в сообщении, через усмотрение соответствий языковых и логических категорий (субъекта, предиката, атрибута, времени, связей и т.д.).

Аналогичным образом рассматривается и механизм порождения речи как функционирующий через систему операциональных процедур, позволяющих «перевести» мысль с языка смысловых единиц на естественный язык посредством логико-языкового моделирования.

Специально проведенные исследования доказывают ошибочность предположения о наличии переноса речевого механизма (механизмов восприятия и порождения речи), обеспечивающих речевую деятельность на родном языке, на осуществление иноязычной речевой деятельности. Будучи обусловленными возрастными особенностями развития интеллекта и выступая при этом принципиально социальным явлением, механизмы порождения и восприятия родной речи формируются у человека в комплексе составляющих их операциональных процедур интуитивно и поступательно в естественной языковой среде. У билингвов в условиях учебного двуязычия формируется *субординативный тип* функционирования механизмов иноязычной речи. Это проявляется в осуществлении внутренних речевых действий при посредничестве и контрольной функции родного языка, отсутствии спонтанности при выполнении необходимых операциональных процедур.

Овладение и *координативное* владение иностранным языком, будь то первый, второй и т.д., предполагает формирование в сознании отдельной системы

операциональных процедур, составляющих работу иноязычного речевого механизма, т.е. автономно функционирующего процедурного блока.

Данное утверждение не противоречит вышеизложенному опровержению идеи детерминирования умственной работы индивида языком и его структурой. Законы логики, категории мышления, ключевые логические сущности представляются универсалиями – отражением основных отношений объективной действительности в сознании человека. Ряд ученых полагают, что логика мышления объективируется и обнаруживает себя в глубинной языковой грамматике, что основные мыслительные сущности отражены в грамматиках языков. Именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас распределения и функционирования концептуального материала (выраженного вербально-смысловыми единицами сознания), который обеспечивает когнитивно-языковые процессы.

Логико-мыслительные сущности «рождаются с чувственным познанием действительности, но оформляются благодаря овладению словом (знаком)» [2. С. 132]. Однако прямого соответствия между мыслительными сущностями и категориями языка нет: первые универсальны, вторые относительны. Даже в одном и том же языке то же смысловое содержание может быть оформлено предложениями разных синтаксических моделей с различным словарным и грамматическим наполнением. А одни и те же языковые знаки могут быть использованы для оформления разных понятий, представлений, идей, отношений. Отсутствие однозначного соответствия понятия и слова, мысли и ее языкового выражения именуют «асимметричным дуализмом языкового знака» (С. Карцевский). Естественно, что в разных национальных языках существуют различные поверхностные структуры языка для выражения тех же логико-мыслительных сущностей, универсальных по самой природе человеческого мышления.

Координативное владение иностранным языком предполагает установление соответствий мыслительных категорий и поверхностных вербальных структур их выражения в данном конкретном языке без посреднической функции родного языка. Уяснение этих соответствий (заведомо поливариантных) для каждого изучаемого иностранного языка, а также достижение спонтанности «перевода» логико-смысловых отношений в языковые формы их выражения и наоборот знаменует формирование в сознании системы операциональных процедур, составляющих работу иноязычного речевого механизма, т.е. автономно функционирующего процедурного блока, обеспечивающего иноязычную речевую деятельность.

В свете вышеотмеченного нельзя не упомянуть мнение А.А. Леонтьева: «Будучи использован как опора в психической деятельности человека (в мышлении, памяти, восприятии), язык ни в коей мере не диктует пути этой деятельности, способы ее осуществления. Человек не запоминает то, что подсказывает ему язык, – он использует язык для того, чтобы запомнить то, что ему нужно. Человек не мыслит так, как диктует ему язык, – он опосредует свое мышление языком в той мере, в какой это отвечает содержанию и задачам мышления. Человек не воспринимает то, что означено, – он вербализует то, что ему нужно воспринять» [11. С. 258].

Таким образом, вышеизложенный анализ теоретических и эмпирических данных позволяет полагать, что координативный билингвизм / полилингвизм предполагает существование в сознании человека отдельных по языкам блоков декларативного вербального знания и процедурных блоков речевых механизмов, сформированных в ходе усвоения иноязычной знаковой системы. В конце концов, не существует языковых лексико-грамматико-синтаксических универсалий (это однозначно доказали в свое время еще Э. Сепир и Б. Уорф), равно как и не может существовать универсальной вербально-когнитивной кодовой системы (декларативного и процедурного блоков), обеспечивающей вербальное поведение человека на любом языке. Все кодовые системы по языкам формируются, существуют и функционируют автономно, что не исключает их взаимосвязи, опосредованной рабочей памятью.

Литература

1. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: МПСИ, 2003. 232 с.
2. Потебня А.А. Мысль и язык: собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 350 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: АН СССР, 1963. Т. 1. 368 с.
5. Ерчак Н.Т. Психология профессиональной речи учителя: Дис. ... д-ра психол. наук. Минск, 1992. 306 с.
6. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 432 с.
7. Психология мотивации и эмоций: Хрестоматия по психологии / Под. ред Б.Ю. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2006. 752 с.
8. Кошланский Г.В. Логика и структура языка. М.: Высш. шк., 1965. 240 с.
9. Московичи С. Социальные представления: исторические взгляды // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18.
10. Anderson J.R. The Structure of Cognition. London: Harvard University Press, 1983. 234 p.
11. Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.